

Международная Защита Беженцев:

Толкование Статьи 1 Конвенции 1951 года о статусе беженцев

I. Введение

1. Непосредственной целью настоящего примечания является разъяснение современных проблем, связанных с толкованием положений Статьи 1 Конвенции 1951 года о Статусе беженцев с учетом недавних разработок в области правоведения и юридической практики. Авторы выражают надежду, что содержание настоящего примечания окажется полезным во многих ситуациях и не в последнюю очередь в рамках ведущихся в настоящее время в Европе работ по согласованию определения термина «беженец». **«Руководство УВКБ по процедурам и критериям по определению статуса беженцев»¹** содержит основные руководящие принципы для толкования термина «беженец» и должно быть рассмотрено для полного понимания позиции УВКБ по различным вопросам, связанным с толкованием. В настоящем примечании приводятся некоторые ключевые пункты из указанного Руководства и обсуждаются различные темы, ставшие предметом полемики вокруг касающихся беженцев правовых норм с момента публикации Руководства. Некоторые из этих вопросов будут рассмотрены в ходе четырех круглых столов с участием экспертов, которые будут проводиться в рамках глобальных совещаний УВКБ по вопросам международной защиты. Результаты этих круглых столов помогут усовершенствовать или развить позиции УВКБ, правительств и других действующих лиц, заинтересованных в указанных проблемах.

II. Предварительные соображения

i. Анализ в соответствии с принципами прав человека

2. Согласно Статье 31 Венской конвенции о праве международных договоров, договор подобный Конвенции 1951 года должен «толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением,

которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете предмета и целей договора».² Венская Конвенция о договорном праве указывает, что контекст в числе прочего включает преамбулу³ в качестве источника предмета и цели данного документа.

3. Обычное значение элементов, фигурирующих в Статье 1, зачастую становится ясным из формулировок и должно приписываться соответствующим образом. Если для толкования значения терминов требуется ссылка на предмет и цели Конвенции 1951 года, то преамбула в этом отношении содержит важные указания. Пристальное изучение преамбулы приводит к заключению, что предмет и цель данного документа состоят в обеспечении защиты определенных прав беженцев, в поощрении международного сотрудничества в этой области, в том числе через деятельность УВКБ, а также в предупреждении напряжения в отношениях между государствами в связи с проблемой беженцев.

4. В преамбуле содержатся ясные формулировки, основанные на правах человека. В первом параграфе речь идет о подтверждении со стороны международного сообщества принципа соблюдения без дискриминации основных прав и свобод, изложенных во Всеобщей декларации прав человека. Второй параграф содержит напоминание о том, что Организации Объединенных Наций проявляет глубокий интерес к судьбе беженцев и прилагает усилия по обеспечению для беженцев самой широкой реализации их основных прав и свобод. Эти положения свидетельствуют о том, что составители документа имели целью включить ценности, основанные на правах человека, в процесс идентификации беженцев и отношения к ним, таким образом обеспечивая полезные указания для толкования в соответствии с Венской Конвенцией о договорном праве 1951 года.

5. Беженцы вправе претендовать на международную защиту именно потому, что их права человека оказались под угрозой. Самая фундаментальная защита, на которую может претендовать беженец, является защита от *принудительного возвращения* на территорию, где жизнь или свобода беженца находятся под угрозой по одной из причин, предусмотренных Конвенцией. Защита

от *принудительного возвращения* гарантирована в числе прочего Статьей 33 Конвенции.⁴ Именно в этой защите, а также в защите других прав, предусмотренных в Конвенции 1951 года, заключается цель определения статуса беженца. Принципы прав человека, не в последнюю очередь ввиду данного подхода, должны лежать в основе толкования того, кто вправе претендовать на подобную защиту. Действительно, естественная взаимозависимость между защитой беженцев и международной системой защиты прав человека выражалась и разрабатывалась во многих документах УВКБ, а также в заключениях Исполнительного комитета.⁵

6. В европейском контексте взаимосвязь между принципами прав человека и международной защитой беженцев долгое время признавалась в работе Специального комитета экспертов по правовым аспектам территориального убежища, беженцам и лицам без гражданства Совета Европы (САНАР), Комитета министров,⁶ Европейского Суда (ранее Комиссии) по правам человека,⁷ Парламентской ассамблеи, а также в других направлениях деятельности Совета Европы. Указанная взаимосвязь была недавно подтверждена в открытой форме главами государств и правительств Европейского Союза, которые собрались на саммите в Тампере в октябре 1999 года. Принятые там заключения председателей вновь подтвердили полную приверженность Союза к обязательствам Конвенции 1951 года и другим соответствующим документам по правам человека,⁸ а также важность безусловного уважения права на убежище.⁹ В указанных заключениях участники выразили свое согласие работать в направлении создания общеевропейской системы предоставления убежищ, основанной на полном и всеобъемлющем применении Конвенции 1951 года, таким образом гарантируя, что никто не будет подвергнут принудительной высылке к месту преследования.¹⁰

ii. Целостный и общий анализ

7. Приведенное в Статье 1 определение может, а в целях анализа и должно быть разбито на составляющие элементы. Однако это представляет собой лишь *один* целостный тест. Данный принцип

был признан и отражен в различных формулировках «теста» на статус беженца.¹¹ Ключом для квалификации некоего лица в качестве беженца служит риск быть подвергнутым преследованию по одной из причин, предусмотренных Конвенцией.¹²

8. При попытке применить критерии Статьи 1 в ходе индивидуальных процедур по предоставлению убежища лица, принимающие решения, должны учитывать все обстоятельства, относящиеся к рассматриваемому случаю.¹³ У них должна сложиться полная картина личности, предшествующих событий и личных переживаний¹⁴ лица, претендующего на получение убежища, а также анализ и свежие данные по всем относящимся к делу объективным обстоятельствам в стране происхождения.¹⁵

9. В этом контексте следует напомнить, что согласно формулировкам, приведенным в Руководстве УВКБ, человек не становится беженцем ввиду его признания таковым, а признается беженцем, потому что он/она таковым является.¹⁶ Из этого следует, что несоблюдение формальных и технических требований, таких как временные ограничения, не лишают человека статуса беженца.

iii. Бремя и норма доказательства

10. При определении статуса беженца возникают вопросы как в связи с бременем и нормой доказательства,¹⁷ так и в связи с тем, насколько рассматриваемое лицо заслуживает доверия. Хотя речь идет, прежде всего, о процедурных вопросах, которые не будут полностью обсуждаться в рамках настоящего комментария, тем не менее, хорошо развитую правовую практику и другие указания по данным вопросам, которые можно найти не в последнюю очередь в самом Руководстве УВКБ,¹⁸ можно обобщить следующим образом:

- в соответствии с общими принципами доказательного права, бремя доказательства лежит на том, кто делает данное утверждение, а в случае с беженцами это бремя возложено на лицо, претендующее на получение убежища. Данное бремя снимается при правдивом изложении соответствующих фактов, дабы на их основе было возможно принять надлежащее решение. Претенденту на получение убежища должна быть

предоставлена соответствующая возможность привести доказательства в поддержку своих утверждений. Тем не менее, ввиду особо уязвимого положения претендентов на получение убежища и беженцев, ответственность за установление и оценку доказательств также разделяют принимающие решения лица. В ситуациях, когда речь идет об исключении или прекращении, именно компетентные органы подтверждают их применимость, следовательно, на них возложено бремя установления причин, послуживших основанием для исключения или прекращения.¹⁹

- норма доказательств для определения обоснованных опасений преследования была разработана на основе правовой практики в юрисдикции общего права. Несмотря на использование различных формулировок, ясно, что требуемая норма представляет собой нечто меньшее, чем уравнивание вероятностей, требуемое при рассмотрении гражданских дел. По общему мнению, для обоснования преследования следует доказать, что оно «разумно возможно».²⁰
- поскольку особые обстоятельства, в которых оказываются претендующие на получение убежища лица, зачастую означают, что, они сталкиваются с препятствиями в вопросе получения подтверждающих доказательств, а иногда и самостоятельного обеспечения доказательств,²¹ то оценка достоверности сделанных такими беженцами утверждений в некоторых случаях может оказаться особенно трудной. Неспособность вспомнить все даты или второстепенные подробности, мелкие расхождения в фактах, незначительная неопределенность или ошибочность высказываний, которые несущественны с точки зрения определяющих вопросов, не должны стать решающим фактором при определении достоверности сделанных утверждений, хотя они могут приниматься во внимание, наряду с другими факторами для полной оценки достоверности сделанных утверждений. Достоверность утверждений устанавливается тогда, когда сделанное претендентом утверждение является последовательным и правдоподобным, а по нему ему можно верить. После того, как проверяющий останется удовлетворен общей достоверностью сделанных претендентом утверждений, тот пользуется правом толкования всех сомнений в свою пользу по части утверждений, не

имеющих несомненных доказательств.²²

III. Анализ элементов включения:

**Ключевые элементы включения (подпункт 2 пункта «А»
Статья 1):**

... термин «беженец» относится к любому лицу, которое: в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны...²³

i. Обоснованные опасения²⁴

11. В вышеуказанном Руководстве выражение «обоснованные опасения преследований» представляется ключевой фразой и обсуждается в некоторых подробностях.²⁵ Хотя опасения представляют собой субъективные эмоции, тем не менее, в целях определения статуса беженца, они должны быть обоснованы, то есть должны иметь объективные основания. Степень значительности этих двух элементов может отличаться в каждом отдельном случае. В случаях, когда субъективные опасения не высказываются, а объективные обстоятельства могут вполне оправдать признание очевидной опасности для *любого лица* в них оказавшегося, отсутствие опасений несущественно. С другой стороны, могут быть такие случаи, когда объективные обстоятельства сами по себе не кажутся убедительными, однако с учетом личной предыстории, религиозной системы и деятельности отдельно взятого лица эти обстоятельства могут действительно рассматриваться как доказательства угрожающих ему обоснованных опасений, в то время как те же самые объективные обстоятельства могут не рассматриваться как таковые в случае другого лица.²⁶ Эти примеры свидетельствуют о том, насколько важно, чтобы решения относительно статуса беженцев, и в особенности по части обоснованных опасений, принимались только после изучения и надлежащего взвешивания всех

относящихся к делу обстоятельств. Относящееся к особенностям рассматриваемого случая объективные и достоверные сведения из страны происхождения необходимы для данного компонента анализа.

12. В последние годы особо остро встал вопрос об одном из аспектов элемента обоснованных опасений, который заключается в том, чтобы определить, когда человеку разумно переехать в другую часть страны и жить там в безопасности вместо того, чтобы воспользоваться своим правом убежища от преследований за пределами своей страны. В некоторых юрисдикциях для отказа в статусе беженца лицам, фактически имеющим право на него, ошибочно использовалось так называемое понятие «внутренней альтернативы бегства» или «принцип переселения». Это происходит особенно тогда, когда указанное понятие используется в качестве препятствия для доступа к процедурам предоставления убежища для целых групп лиц. В данном случае подобный анализ должен проводиться в зависимости от конкретного случая, принимая во внимание все индивидуальные обстоятельства дела. Среди прочих проблем, относящихся к применению анализа, фигурируют вопросы, связанные с ошибочным пониманием того, каким образом указанный анализ связан с определением термина «беженец»,²⁷ с отсутствием должного рассмотрения обстоятельств дела с точки зрения переселения и разумности перемещения по сравнению с ходатайством о предоставлении убежища за рубежом, а также с серьезными требованиями по части доказательств.²⁸

13. Не в каждом случае возникает необходимость подобного анализа. Это только относится к случаям, в которых опасения по поводу преследований ограничиваются определенной частью страны, за пределами которой вызывающая опасения угроза не может быть осуществлена. В практическом смысле это исключает фактически все случаи, где вызывающее опасения преследование допускается или потворствуется со стороны представителей государства, поскольку обычно предполагается, что их власть действует во всех частях страны.²⁹ Кроме того, подобная альтернатива должна быть разумной. Это означает, что она должна предполагать наличие пригодной для жизни и безопасной

среды, свободной от угрозы преследования, где человек смог бы вести «нормальную» жизнь, в том числе осуществляя и реализуя свои гражданские и политические права, вместе с членами своей семьи, в таких экономических, социальных и культурных условиях, которые сопоставимы с условиями, которыми обычно пользуются другие лица, проживающие в данной стране.³⁰

14. Вышеприведенные требования, то есть свобода от преследований, способность осуществлять и реализовывать гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права, приводят к отражению одного часто обсуждаемого элемента в определении статуса беженца: речь идет о присутствии и достаточности предоставляемой властями защиты. Некоторые из комментирующих Конвенцию авторов считают «отсутствие государственной защиты» ключевым критерием определения Конвенции 1951 года,³¹ в то время как другие придают этому гораздо меньшее значение, отмечая, что в рамках Конвенции преследование представляет собой комплекс причин, интересов и мер.³²

15. По мнению УВКБ рассмотрение эффективной государственной защиты не является отдельной или исходной проблемой, а скорее представляется одним из множества сопутствующих элементов при определении статуса беженца в некоторых случаях, в особенности, когда речь идет об опасениях по поводу преследования со стороны лиц, не представляющих государственную власть. Вопрос заключается в том, в достаточной ли мере смягчается вызывающая опасения угроза благодаря доступной и эффективной государственной защите. В случаях, когда подобная оценка необходима, требуется разумное уравновешивание множества как общих, так и частных факторов, в том числе с учетом общего состояния законности, порядка и правосудия в данной стране, ее эффективности, включая наличие ресурсов, также способность и готовность использовать их должным и эффективным образом для защиты жителей.

ii. Преследование

16. Определение преследования в целях определения статуса

беженца не присутствует ни в одном документе международного права. Некоторые из комментирующих Конвенцию авторов утверждают, что необходимость в подобном определении отсутствовала, поскольку его значение можно было легко понять из предыдущих документов и опыта,³³ другие же утверждают, чтобы это понятие было намеренно оставлено без определения, дабы оно охватывало вновь появляющиеся формы преследования.³⁴ Какими бы ни были причины, тот факт, что Конвенция не содержит юридического определения термина «преследование», ясно указывает на то, что составители, исходя из опыта прошлого, намеривались охватить этим термином все будущие формы преследования.

17. Продолжающееся развитие международного законодательства в области прав человека в период, последующий принятию Конвенции 1951 года, содействовало продвижению выраженного в руководстве УВКБ понятия о том, что преследование включает нарушения или другие серьезные посягательства на права человека, часто (но не всегда) содержащие систематический или повторяющийся элемент.³⁵ Хотя существует общее мнение, что при нормальных обстоятельствах «обыкновенная» дискриминация не может сама по себе являться преследованием (хотя особо вопиющие формы дискриминации, несомненно, подлежат рассмотрению),³⁶ тем не менее, на совокупных основаниях постоянная и последовательная дискриминация обычно считается преследованием и требует международной защиты.³⁷

18. Порой возникает путаница между преследованием в рамках общего законодательства и преследованием по одной из причин, предусмотренных в рамках Конвенции. Надо полагать, что это происходит чаще всего в ситуациях, связанных с отказом исполнения воинской повинности как в виде уклонения от службы, так и в форме дезертирства. Подобное случается также в других ситуациях, особенно когда закон общего применения различным образом влияет на отдельно взятого человека или на группу лиц по одной из причин, предусмотренных Конвенцией, или когда исполнение закона представляет угрозу или нарушает права человека. Руководство УВКБ может оказаться полезным в связи с этими вопросами и должно служить отправной точкой при любом

анализе.³⁸ Ниже приводится обобщенное изложение данной рекомендации. Для того чтобы отличить обычное судебное преследование от противоправного преследования, необходимо учесть и проанализировать, по крайней мере, некоторые из следующих факторов:

- соответствует ли данный закон нормам прав человека или он является репрессивным по своей сути (например, когда запрещается законное отправление религиозного культа или религиозная деятельность),³⁹
- осуществляется ли исполнение закона таким образом, чтобы представлять собой преследование по одной из причин, предусмотренных Конвенцией. Подлежащие рассмотрению элементы включают в себя следующие соображения:⁴⁰
 - лишены ли лица, которым представлено обвинение по данному закону, надлежащей правовой процедуры по одной из причин, предусмотренных Конвенцией;
 - является ли преследование дискриминационным (например, когда преследуются только члены определенных этнических групп);
 - назначается ли наказание на дискриминационной основе, (например, обычное наказание предусматривает шестимесячный тюремный срок, однако лица, придерживающиеся определенных политических взглядов, обычно приговариваются к заключению сроком на 1 год);
 - является ли предусмотренное законом наказание преследованием (например, когда наказание предусматривает жестокое, бесчеловечное или унижительное отношение);
- в случае отказа от несения военной службы, могут возникнуть дополнительные соображения, в том числе:
 - связано ли требуемое несение службы с видами военных действий, которые осуждаются международным сообществом как противоречащие элементарным правилам гуманного поведения;
 - можно ли разумно ожидать, что требуемое несение службы невозможно ввиду определенных индивидуальных обстоятельств, подлинных взглядов или убеждений религиозного, политического, гуманистского или философского характера, или например, по причине

этнического происхождения в случае внутренних этнических конфликтов.⁴¹

- предусмотрены ли исключения для лиц, отказывающихся от военной службы по идейным соображениям, и являются ли эти исключения приемлемыми и соразмерными.

19. Некоторые из предоставляющих убежище государств ограничивают значение термина «преследование» Конвенцией 1951 года в том смысле, что ущерб должен исходить непосредственно от государства или его представителей.⁴² Указанные государства придерживаются анализа, по которому решающим является нарушитель либо источник нанесенного вреда или опасений по этому поводу. Государственная практика в других странах, хотя порой и основана на совсем других анализах, в подавляющем большинстве случаев поддерживает позиции, принятой УВКБ в том смысле, что преследование со стороны лиц, не являющихся представителями государства, подпадает под сферу действия определения термина «беженец», предусмотренного Конвенцией 1951 года.⁴³ Согласно позиции УВКБ, источник вызывающего опасения вреда мало связан или вовсе не связан с определением факта или вероятности осуществления преследования. Само собой разумеется, что предметом и целью Конвенции 1951 года является обеспечение защиты беженцев. Безусловно, в тексте Статьи нет ничего, что бы предполагало какое-либо решающее значение источника вреда, вызывающего опасения. По этой причине УВКБ последовательно утверждало, что вопросы обоснованности опасений в связи с фактическим или возможным ущербом настолько серьезным, чтобы представлять собой преследование по одной из приведенных в Конвенции причин, являются наиболее существенными соображениями.⁴⁴

20. Иногда утверждается, что Конвенция 1951 года не предусматривает подходящих правовых рамок для решения современных проблем, связанных с беженцами, поскольку они часто возникают в контексте войн и вооруженных конфликтов. В том же духе в рамках национальных правовых норм некоторых стран были разработаны критерии, основанные на доводе о том,

что для констатации факта преследований в отношении лица, претендующего на получение убежища, необходимо, чтобы он или она каким-то образом «выделялся» или был «мишенью для отдельных преследований».⁴⁵ Суды же других стран, хотя и признают, что гражданская война как таковая не исключает статуса беженца, ровно так и недостаточна для его обоснования, пользуются такими критериями как «отличительный риск» или «отличительное воздействие».⁴⁶ Однако эти критерии склонны отодвигать на задний план два ключевых факта: i) даже при войнах или конфликтах, люди могут быть вынуждены спасаться бегством ввиду обоснованных опасений преследования по причинам, предусмотренным Конвенцией, и ii), война и насилие сами по себе часто используются как средства преследования. Зачастую преследователи прибегают к этим средствам для того, чтобы подавить или устранить определенные группы, ввиду их этнической принадлежности или по другим признакам.⁴⁷

21. Следует напомнить, что Конвенция была составлена после Второй мировой войны и, по крайней мере частично, задумывалась как средство защиты жертв преследований в этой войне. В ситуациях, когда конфликты основаны на этнических, религиозных или политических различиях, при которых преследуются лица, спасающиеся бегством, как часто случается в наши дни, лица, бегущие от таких конфликтов, считаются беженцами в смысле Конвенции 1951 года. Исполнительный комитет многократно подтверждал этот подход в ряде случаев, а последний раз это произошло на сессии 1998 года.⁴⁸ Схожим образом, с точки зрения надлежащего толкования Статьи 48 несущественно насколько велика или мала затронутая группа. Целые сообщества могут оказаться под угрозой преследования или подвергнуться преследованию по причинам, предусмотренным в Конвенции, и тот факт, что все члены сообщества затронуты в одинаковой мере, ни в коем случае не лишает законности какое-либо отдельное утверждение. Напротив, подобные факты должны способствовать признанию, поскольку социологический процесс маргинализации, к которому ведет подобное клеймение, является мощным архетипом преследования. Данный подход, рекомендуемый как в Руководстве, так и в различных заключениях Исполнительного комитета,⁴⁹ был также принят специалистами, занимающимися

вопросами беженцев и хорошо аргументирован в правоведческой практике.⁵⁰

22. Несмотря на вышесказанное, также признается существование лиц, спасающихся бегством от огульных последствий насилия, не содержащего элементов преследования. Возможно, такие люди не отвечают предусмотренным в Конвенции определениям, однако они могут нуждаться в международной защите на других основаниях.⁵¹

iii. Предусмотренные Конвенцией основания

23. Подпункт 2 пункта «А» Статьи 1 требует, чтобы обоснованные опасения преследования были «по признаку» одной из пяти приведенных там причин. Хотя установление природы данной причинно-следственной связи в целом не представляет большой сложности, тем не менее, в некоторых юрисдикциях, возникли правовые нормы, вызывающие определенные вопросы относительно природы ее развития. В практике УВКБ основание, предусмотренное Конвенцией, является существенным сопутствующим фактором, хотя не требуется доказательств того, что оно является единственной или главной причиной.

24. Три из пяти оснований, изложенных в Статье 1 (**раса, религия и политические взгляды**), обычно требуют ограниченного толкования. Тот факт, что между пятью основаниями, предусмотренными в Конвенции, существуют значительные совпадения, не должен создавать путаницу. Лица могут подвергаться преследованиям или опасаться их по ряду взаимосвязанных причин, перечисленных в Конвенции⁵² или по одной из них такой, как, например, этническая принадлежность человека, которая может подпадать под более чем одно основание, то есть по признаку расы и национальности.⁵³ Ни в одном из этих случаев связь между вызывающим опасения преследованием и его основанием никоим образом не подрывается или не становится недействительной.

25. В настоящее время существуют общее мнение, что **приписываемые основания или воспринимаемые как таковые,**

либо простой политической нейтралитет, могут служить основанием для того, чтобы претендовать на статус беженца. Например, возможно, что человек на самом деле не придерживается каких-либо политических взглядов, или не исповедует определенную религию, однако со стороны преследующего он может восприниматься как лицо, придерживающееся подобных взглядов и исповедующее определенную религию. В подобных случаях, приписываемые или воспринимаемые действия, которые достаточны для того, чтобы подвергнуть некое лицо опасности преследования, также достаточны для соблюдения требований Конвенции по предусмотренным ею основаниям, поскольку в этом смысле определяющей является точка зрения преследующего.⁵⁴

26. Основание по признаку **национальности** порой становилось поводом для возникновения некоторой путаницы, поскольку одно и то же слово может использоваться как для обозначения этнической принадлежности или этнического происхождения человека, так и для обозначения гражданства или юридической связи между человеком и государством. Существуют отдельные международные правовые рамки, разработанные для решения проблем лиц, не имеющих юридической связи гражданства с каким-либо государством, которые считаются апатридами.⁵⁵ Стоит напомнить, что лица, не имеющие гражданства, могут также быть беженцами в смысле Конвенции 1951 года на тех же основаниях, что и другие, или могут стать беженцами, например, в случаях, когда отсутствие гражданства превращает их в предмет более острой дискриминации, приравнивающейся к преследованию. Тем не менее, в выборной практике государств национальность чаще всего обозначает этническую принадлежность или этническое происхождение.⁵⁶ В рассматриваемом контексте, когда речь идет о конфликтах на основе этнической принадлежности, данное основание имеет существенное значение.⁵⁷

27. **Членство в отдельной социальной группе**, возможно, является наименее однозначным основанием. В различных юрисдикциях данная фраза толковалась по-разному. В одном из толкований подчеркивается восприятие преследующего и/или других лиц в данном обществе, и ставится акцент на некоторые

характерные атрибуты такие, как деятельность, вероисповедание, убеждения, интересы или цели.⁵⁸ При другом широко распространенном подходе особенности, идентифицирующие подобные группы, являются либо врожденными, либо историческими и поэтому не могут быть изменены, или же их изменение возможно, но нежелательно по причине их тесной связи с личностью человека и (или) ввиду выражения ими основных прав человека.⁵⁹ Примерами первого вида особенностей могут быть пол, сексуальная ориентация и наследие.⁶⁰ Примерами второго вида могут быть членство в профсоюзе или профессия журналиста или критика.⁶¹

28. В действительности при целостном подходе принимается обоснованность обоих вышеприведенных подходов. Это обеспечило бы наилучшую защиту для лиц, нуждающихся в ней на законных основаниях. Подобная защита охватывала бы тех, кто не в состоянии изменить свои врожденные или исторические особенности и тех, кого не следует принуждать к отказу от них, а также лиц, принадлежащих к первой категории, то есть, членов тех групп, которые со стороны преследующего воспринимаются как антагонистические или представляющие угрозу. Если преследующий действует или по всей вероятности будет действовать против члена указанной группы исходя из своих представлений, то потенциальная жертва может быть защищена на этом основании, ввиду представлений преследующего, который приписывает жертве побуждения или особенности, исходящие из ее членства в группе.

29. Одна из сфер, в которой очень широко обсуждалось членство в определенной социальной группе, связана с **преследованием по признаку гендерной принадлежности**. Поскольку ни «пол», ни «гендерная принадлежность»⁶² не перечислены в Статье 1 в качестве одного из оснований, предусмотренных Конвенцией, иногда утверждается, что положения статьи не охватывают лиц, подвергающихся преследованию в связи со своей гендерной принадлежностью, или же, что единственное возможное основание для признания должно всегда состоять в принадлежности к «определенной социальной группе». Ни одно из этих утверждений не верно. Преследование может быть связано с гендерной

принадлежностью в том смысле, что метод, используемый для осуществления преследования, связан с полом или с гендерными ролями. Например, изнасилование женщин, принадлежащих к определенной этнической группе, может быть формой преследования не из-за их половой или гендерной принадлежности, а по причине их национальности или религии.⁶³

30. В то же время, в основе преследования, обусловленного, как это может показаться гендерными ролями в данном обществе, в действительности могут лежать причины, основанные на одном или нескольких из четырех оснований. Примером этого может быть отказ от ношения одежды или поведения, предписанного для женщин. Подобное поведение может быть неприемлемо для властей не по причине пола отдельного лица, отказывающегося вести себя предписанным образом, а потому что подобный отказ свидетельствует о «недопустимых» религиозных или политических взглядах.⁶⁴

31. Это свидетельствует о том, что во многих случаях, рассмотренных в рамках данного положения, в действительности решение может быть принято исходя из приписываемых политических взглядов или религиозных соображений, и не должно обязательным образом подразумевать анализ некой социальной группы. Тем не менее, встречаются случаи, в особенности, но не исключительно связанные с гендерной принадлежностью, которые не подпадают ни под какое другое основание и только могут быть определены в рамках некой социальной группы. Преследование может быть связано с гендерной принадлежностью в том смысле, что лицо подвергается преследованию по причине своей половой принадлежности, сексуальной ориентации или гендерной роли, а в соответствующих случаях это может быть также связано с членством в определенной группе. Например, гомосексуальный трансвестит может подвергаться преследованию из-за поступков и представлений, ассоциирующихся с данной группой.⁶⁵ При определенных обстоятельствах, случаи, связанные с насилием в семье, были признаны как подпадающие под действие Статьи 1 Конвенции 1951 года на основании принадлежности к определенной социальной группе.⁶⁶

32. При должном толковании определение термина «беженец» достаточно для того, чтобы обеспечить защиту в большинстве случаев, связанных с гендерной принадлежностью, где требуется международная защита. Следовательно, нет никакой необходимости добавлять признак половой или гендерной принадлежности в качестве основания, предусмотренного Конвенцией.⁶⁷ Тем не менее, Управление обеспокоено тем, что в некоторых государствах, дополнительная защита обычно предоставляется женщинам или другим лицам, опасаящимся или подвергающимся преследованию в связи со своей гендерной принадлежностью, без должного рассмотрения вопроса о том, следует ли их признать беженцами в смысле Конвенции 1951 года. Люди, чьи случаи при надлежащем толковании относятся к Статье 1, должны быть признаны беженцами и должны получать предусмотренную для них защиту, не лишаясь ее по причине существования дополнительных форм защиты.⁶⁸

iv. Нахождения вне страны гражданства или обычного места жительства

33. Требование о том, что беженец должен находиться вне своей страны гражданской принадлежности или обычного места жительства, является фактическим вопросом, который легко определяется и в большинстве случаев не вызывает разногласий.⁶⁹ Однако как указано в Руководстве, нельзя считать, что беженец должен был обязательно *покинуть* страну происхождения из опасений преследования по причинам, предусмотренным в Конвенции. Человек может оказаться вне пределов своей страны в качестве студента, дипломата или путешественника, когда происходит событие, дающее повод для возникновения обоснованных опасений преследования. Подобные лица обозначаются выражением «беженец на месте».⁷⁰ События, дающие повод для возникновения обоснованных опасений, могут находиться за пределами деятельности беженца, как, например, в случае военного переворота в стране гражданства, или же могут быть тесно связаны с его поведением, как, например, в случае публичных заявлений, направленных против правительства в стране происхождения.

34. В случаях, когда опасения в связи с преследованием возникают в результате собственного поведения беженца, возникает проблема достоверности сделанных им утверждений, поскольку возможно предположить, что его действия носили корыстный характер. Это особенно важно в тех случаях, когда все подробности дела тщательно изучены и проанализированы в свете вероятности возникновения угрозы преследования впоследствии. Главное соображение состоит в том, чтобы выяснить, стали или могут ли стать указанные поступки известны властям страны происхождения,⁷¹ каким образом действия лица, претендующего на получение убежища, будут в действительности, рассматриваться властями страны происхождения. В некоторых юрисдикциях рассмотрение добросовестности в действиях лица, претендующего на получение политического убежища, или рассмотрения продолжительности его или её действий до бегства считается необходимым условием.⁷² Оценка этих элементов может стать неотъемлемой частью анализа и источником полезной информации для принятия окончательного решения, однако, по мнению УВКБ не может играть определяющей роли. Определяющими факторами должны всегда оставаться, как и во всех случаях, вероятность нанесения вызывающего опасения вреда, степень серьезности вреда, а также его связь с одним из оснований, предусмотренных Конвенцией.⁷³

v. Невозможность/нежелание воспользоваться государственной защитой

35. Значение данного элемента определения недавно стало темой очень широких обсуждений. Существует мнение, что данный элемент относится к защите со стороны государственных органов в стране происхождения и является обязательной частью теста на статус беженца на тех же основаниях, что и тест по части обоснованных опасений.⁷⁴ Существуют другие точки зрения, согласно которым этот элемент определения относится исключительно к дипломатической или консульской защите, доступной для граждан, находящихся за пределами своей страны происхождения.⁷⁵ Текстовый анализ данного элемента, поставленного в конце определения, непосредственно вытекающего и в некотором смысле изменяющего фразу «вне

страны своей гражданской принадлежности», наряду с другим тестом, предназначенным для лиц без гражданства,⁷⁶ предполагает, что задуманное на момент составления и принятия значение на самом деле относилось к внешней защите. Исторический анализ приводит к тому же заключению.⁷⁷ Нежелание пользоваться подобной внешней защитой воспринимается как нежелание подвергать себя возможности возвращения в страну гражданской принадлежности, где может произойти вызывающее опасения преследование.⁷⁸

36. Несмотря на очевидную ясность этого положения, в настоящее время существуют правовые нормы,⁷⁹ по которым при определении статуса беженца большее значение придается наличию государственной защиты в стране происхождения в соответствии с вышеописанной точкой зрения. Это несколько расширенное значение может рассматриваться, рассматривалось и продолжает рассматриваться как дополнительный, хотя и не как необходимый⁸⁰ аргумент в пользу применимости Конвенции по отношению к тем лицам, кто находится под угрозой преследования со стороны лиц, не являющихся представителями государства.⁸¹

37. Выше предполагалось,⁸² что внутренний элемент защиты лучше всего рассматривается и определяется как элемент обоснованности опасений.⁸³ В других источниках утверждалось, что последняя фраза подпункта 2 пункта «А» Статьи 1 может быть наделена более современным содержанием при следующем толковании: если страна происхождения неспособна обеспечить защиту от преследования (будь то ввиду неспособности слабого государства вопреки своим максимальным усилиям или ввиду полной неспособности государства), то в случае возвращения жертва будет опасаться преследования и поэтому будет иметь серьезные основания для отказа от защиты данной страны по причине указанных опасений.⁸⁴ В действительности, эти подходы не противоречат друг другу. Какой бы подход не был принят, важно напомнить, что определение включает единый целостный тест взаимосвязанных элементов. Взаимосвязь элементов и важность, придаваемая тому или иному элементу, непременно подлежат определению на основании фактов каждого отдельного случая.

IV. Анализ элементов исключения и прекращения:

i. Исключение из статуса беженца

Ключевые элементы положений об исключении (пункты «D», «E» и «F» Статья 1):

Положения настоящей Конвенции не распространяются на:

- лиц, которые в настоящее время пользуются защитой или помощью других органов или учреждений Организации Объединенных Наций, кроме Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев...
- лиц, за которыми компетентные власти страны, в которой они проживают, признают права и обязанности, связанные с гражданством этой страны.
- любых лиц, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они:
 - совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности...
 - совершили тяжкое преступление неполитического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев;
 - виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций.

38. При толковании исключений из положений Статьи 1 полезно принимать во внимание их подоплеку, которая заключается в том, чтобы не позволить лицам, не нуждающимся⁸⁵ и не заслуживающим⁸⁶ статуса беженца, обладать им. Положения, касающиеся лиц, не заслуживающих этого статуса, в особенности сложны и поэтому более проблематичны. Тем не менее, при рассмотрении обеих разновидностей исключений следует помнить, что все положения, выступающие в качестве исключения, должны толковаться в ограничительном смысле, что подчеркивается в Руководстве.⁸⁷

39. Пункт «D» Статьи 1 исключает из сферы действия защиты,

предусмотренной Конвенцией тех лиц, которые уже получают защиту или помощь со стороны агентства или органа Организации Объединенных Наций за исключением Управления Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев. В Руководстве объясняется, что в настоящее время данное положение применяется по отношению к лицам, которые получают или могут получать помощь со стороны Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ.⁸⁸ Поскольку ни одно другое агентство ООН в настоящее время не имеет особого мандата для защиты или помощи беженцам, то данное положение не может использоваться в других ситуациях. Переходные или временные административные органы Организации Объединенных Наций в областях или районах, в которых возникли потоки беженцев, обычно имеют мандаты, связанные только с управлением на данной территории, в том числе для защиты прав репатриантов, но не имеют особого мандата по части беженцев. Поскольку для получения защиты или какой-либо помощи, со стороны подобных административных органов необходимо находится в пределах подобной территории, это положение не может использоваться для исключения из статуса беженца лиц из этих территорий, которые находятся в государствах, предоставивших им убежище.⁸⁹

40. Схожим образом **пункт «Е» Статьи 1** исключает лиц, за которыми компетентные власти страны, в которой они проживают, признают права и обязанности, связанные с гражданством этой страны. В Руководстве подчеркивается, что при толковании данного положения важно признать то, что заинтересованное лицо должно действительно пользоваться подобными правами и обязательствами в практическом смысле. В частности, в соответствии с предусмотренным в Статье 33 положением о *запрещении принудительного возвращения беженцев*, лица должны пользоваться правом не быть высланными или выдворенными, чтобы данное положение об исключении из статуса беженца действовало.⁹⁰

41. Более значительные трудности в вопросе толкования возникают в связи с **пунктом «F» Статьи 1**, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они совершили

военные преступления, преступления против мира и человечности, тяжкие преступления не политического характера или деяния, противоречащие целям и принципам Организации Объединенных Наций. Другими словами, исключение относится к лицам, которые совершили настолько вопиющие деяния, что хотя у них и могут быть обоснованные опасения по поводу преследования по причинам, предусмотренным Конвенцией, однако их личные поступки были столь отвратительны, что они не достойны получения международной защиты в рамках Конвенции 1951 года. При толковании этих положений крайне важно помнить, что в соответствии с положениями пункта «F» Статьи 1 исключаются не все преступники, а лишь те, кто виновны в самых серьезных и недопустимых деяниях.⁹¹

42. Норма доказательства, требующаяся для действия пункта «F» Статьи 1, выражается фразой «серьезные причины полагать», что данное лицо было виновно в подобных деяниях. Хотя ясно, что доказательств осуждения не требуется, однако трудности возникают при попытке последовательно объяснить точную степень доказательств, необходимых для разумного обоснования заключения в рамках данной нормы.⁹² Обвинительное заключение со стороны международного суда⁹³ относительно подобного деяния может однозначно рассматриваться как «серьезная причина». Управление Верховного комиссариата ООН по делам беженцев придерживалось именно такого подхода.⁹⁴ И наоборот, лишь тот факт, что человек в определенный момент своей жизни был каким-то образом связан с членами организации или правительства, о которых известно, что они совершали подобные деяния, не достаточен для того, чтобы доказать наличие «серьезных причин» в отношении данного лица. Для того чтобы положение об исключении действовало, упомянутые причины должны быть конкретно связаны с данным лицом, а также с его/ее поступками либо проступками.⁹⁵

43. Положения **подпункта «а» пункта «F» Статьи 1** относятся к преступлениям, которые определены как таковые в международных документах. Данная формулировка позволяет учитывать развития в международном праве, касающиеся подобных преступлений. Например, принятие Римского статута

международного уголовного суда⁹⁶ определило подобные преступления в современном контексте и послужит полезным источником для толкования положений об исключении.⁹⁷

44. Подпункт «b» пункта «F» Статьи 1 исключает предоставление статуса беженца лицам, которые пытаются избежать законного судебного преследования за совершение тяжких преступлений неполитического характера, даже если в остальном они отвечают условиям, предусмотренным для беженцев. Хотя очевидно, что данное положение отвечает законным интересам государства по охране общества, многочисленные компоненты, включенные в данное положение в качестве необходимого условия, свидетельствуют о том, что защита беженцев, совершивших менее серьезные преступления, должна сохраняться. Отдельное обсуждение различных элементов подпункта «b» пункта «F» Статьи 1 наиболее полезно. Именно этот подход используется в Руководстве.

45. Очевидно, что термин «серьезный» подразумевает тяжкое наказуемое деяние, а не незначительное правонарушение, даже если последнее в уголовном кодексе или в другом законодательном акте страны обозначается как «преступление».⁹⁸ Тяжкость деяния является не просто точкой зрения внутригосударственного законодательства на данный вопрос. В этом отношении следует принимать во внимание также сравнительное и международное право. Некоторые показатели, указывающие на серьезность общеуголовного преступления, включают:

- процессуальная форма его преследования, т.е. преследуется ли данное преступление по обвинительному акту или рассматривается в порядке суммарного производства;
- предписанное наказание, включая длительность и условия срока тюремного заключения;
- наличие международного консенсуса, по которому данное деяние причисляется к тяжким преступлениям;
- предусматривает ли данное преступление выдачу преступника или подлежит ли оно универсальной уголовной юрисдикции;
- фактический ущерб, нанесенный в результате совершения

данного преступления.⁹⁹

46. Преступление, определенное в подпункте «b» пункта «F» Статьи 1, должно быть «неполитического характера» или, иначе говоря, должно быть общеуголовным преступлением, совершенным не в политических целях, а по другим причинам, таким как личная выгода или месть.¹⁰⁰ Подобная квалификация гарантирует, что лица, подвергшиеся преследованию за высказывание политических взглядов путем, который считался бы приемлемым в государстве, где люди вольны высказывать свои взгляды и пользоваться другими правами человека не причиняющими вреда способами, не могут быть исключены из статуса беженца лишь посредством принятия закона, не уважающего указанные основные права человека.

47. К тому же, само собой разумеется, что лица, совершившие некоторые «политические» преступления или тяжкие наказуемые деяния в политических целях, такие как воздушное пиратство или похищение человека, не могут быть, освобождены от действия положений об исключении со ссылкой на квалификацию «неполитического характера». Должен быть проведен тщательный анализ с целью определить, перевешивает ли тяжесть причиненного вреда достигнутую таким образом политическую цель. Если так называемое «политическое» преступление чрезвычайно вредно или несоразмерно со своими его последствиями по сравнению с той политической целью, которой добивалось лицо его совершившее, то оно может подлежать исключению, несмотря на политические мотивы своих деяний. С другой стороны, если совершение данного преступления является, к примеру, единственным способом избежать преследования со стороны репрессивного режима, то оно может быть сочтено вполне оправданным и не приведет непременно к исключению, в зависимости от обстоятельств дела.¹⁰¹

48. Если подпункт «b» пункта «F» Статьи 1 считается применимым, то, по мнению УВКБ, а также согласно практике некоторых юрисдикций, необходимо привести в равновесие природу преступления, вменяемого данному лицу и степень преследования, вызывающего опасения. Если обоснованные

опасения связаны с весьма суровым преследованием, представляющим опасность для жизни или свободы лица, претендующего на получение статуса беженца, то совершенное преступление должно в действительности быть очень тяжким, чтобы исключить данное лицо из возможности получения им указанного статуса.¹⁰²

49. И, наконец, подпункт «b» пункта «F» Статьи 1 подразумевает, что рассматриваемое преступление было совершено за пределами страны, предоставляющей убежище, до въезда туда в качестве беженца. Общеуголовное преступление, совершенное на территории предоставляющего убежище государства, должно находиться в уголовной юрисдикции этого государства, в том числе по части судебного преследования, а в случае признания данного лица виновным, оно должно подлежать тому же наказанию, что и любое другое лицо, получившее убежище на территории данного государства.¹⁰³

50. **Подпункт «с» пункта «F» Статьи 1** является последним предусматривающим исключение положением, которое относится к деяниям, противоречащим целям и принципам Организации Объединенных Наций. Как объясняется в соответствующих пунктах Руководства, цели и принципы Организации Объединенных Наций изложены в Статьях 1 и 2 Устава Организации Объединенных Наций и по своей природе касаются государств-членов ООН. В подготовительных материалах отражается недостаток ясности относительно применения этих положений. Комментарии делегатов свидетельствуют о том, что, по мнению составителей на данное положение редко будут ссылаться, и оно будет применимо лишь по отношению к лицам, занимавшим властные или влиятельные посты в государстве и способствовавшим нарушению целей и принципов ООН со стороны данного государства.¹⁰⁴ Данное положение может совпадать с положениями подпункта «а» пункта «F» Статьи 1 в том смысле, что преступления против мира и человечности также являются деяниями, противоречащими целям и принципам Организации Объединенных Наций.

51. Применение пункта «F» Статьи 1 часто подразумевает рассмотрение многочисленных вопросов, некоторые из которых

связанны с понятиями уголовного права, требующими тщательного и отдельного анализа в данном контексте. Среди подобных вопросов фигурируют: индивидуальная ответственность, соучастие, вина ввиду участия и членства в группах, защищающих или совершающих акты насилия, положение бывших чиновников репрессивных режимов, защита принуждения и необходимости, а также другие подобные понятия. Детальное рассмотрение сложностей этих тем находится вне сферы настоящего примечания.¹⁰⁵ Для получения более конкретных сведений¹⁰⁶ следует ознакомиться с Руководством по исключениям Управления Верховного комиссариата ООН по делам беженцев.

ii. Прекращение статуса

Ключевые элементы пунктов о прекращении (пункт «С» Статья 1):

Положения настоящей Конвенции не распространяются более на лицо..., которое:

- добровольно вновь воспользовалось защитой страны своей гражданской принадлежности; или
- лишившись своего гражданства, снова его добровольно приобрело; или
- приобрело новое гражданство и пользуется защитой страны своей новой гражданской принадлежности; или
- добровольно вновь обосновалось в стране, которую оно покинуло или вне пределов которой оно пребывало вследствие опасений преследований; или
- не может более отказываться от пользования защитой страны своей гражданской принадлежности, ибо обстоятельства, на основании которых оно было признано беженцем, более не существуют...

положения настоящего [последнего] пункта не применяются к беженцам, если они в состоянии привести достаточные основания, вытекающие из прежних преследований, для своего отказа пользоваться защитой страны своей гражданской принадлежности...

52. По части данной статьи в Руководстве указывается¹⁰⁷ на то, что статус беженца, который предоставляет пользующимся им лицам международную защиту в отсутствии национальной защиты, предусмотрен ровно настолько, насколько подобная суррогатная защита будет необходима. В пункте «С» Статьи 1 Конвенции излагаются в некоторых подробностях обстоятельства, при которых статус беженца прекращается. Как и в случае со всеми другими положениям, лишаящими прав или статуса, положения о прекращении должны применяться после тщательной оценки, дабы убедиться в том, что защита беженца в действительности больше не требуется. Этот вопрос также подчеркивается в Руководстве.¹⁰⁸

53. Что касается оснований, возникающих в результате действий непосредственно со стороны беженца, то эти действия должны быть действительно *добровольными* и должны привести к тому, что он или она действительно сможет воспользоваться эффективной и длительной защитой со стороны государства. В противном случае статус беженца не прекращается.¹⁰⁹

54. Тем не менее, относительно более сложные вопросы возникают при толковании оснований для прекращения статуса в связи с изменившимися обстоятельствами в стране происхождения таким образом, что причин, требующих предоставления защиты беженцу, более не существует.¹¹⁰ При толковании этого пункта возникли некоторые вопросы относительно характера и степени требуемого изменения. Исполнительный комитет УВКБ заявил, что изменения должны быть фундаментальными, стабильными, длительными и должны иметь отношения к опасениям беженцев в связи с их преследованием.¹¹¹ Прекращение статуса беженца, по сути, может рассматриваться как зеркальное отражение причин, послуживших поводом для предоставления подобного статуса и фигурирующих среди элементов включения в подпункте 1А пункта «А» Статьи 1. С исчезновением подобных причин в большинстве случаев исчезает также необходимость в международной защите. Признание этой связи и ее использование для определения того, насколько существенны изменившиеся обстоятельства с точки зрения причин, побудивших к бегству, послужит для разъяснения обстоятельств, которые должны привести к прекращению статуса.

Это особенно важно, когда речь идет об индивидуальном прекращении статуса.

55. УВКБ установило ряд факторов, которые, хотя и не представляют исчерпывающего списка соответствующих соображений, однако могут учитываться при общей оценке и при оценке в целях прекращения статуса группы для определения наличия коренных изменений:

- уровень политической стабильности, проявляющейся различными способами, примером которых может быть успешное проведение демократических выборов, которые считаются справедливыми со стороны международного сообщества;
- наличие справедливых законов для защиты основных прав и свобод, включая гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права;
- существование системы обеспечения законности и правопорядка, а также наличие средств правовой защиты в ситуациях, когда могут быть нарушены права человека, например, действующая без дискриминации полиция, независимые органы судебной власти и функционирующие суды;
- общий уровень соблюдения прав человека и способность пользоваться правами человека и реализовывать их;
- при наличии конфликтов, уровень национального согласия и выполнение любых мирных договоров и соглашений.¹¹²

56. При наличии решения о применимости положения о прекращении действия статуса в связи с изменившимися обстоятельствами по отношению к определенной группе беженцев, каждый, кого касается подобное объявление о прекращении статуса, должен иметь соответствующую возможность ходатайствовать об индивидуальном рассмотрении своего дела и решении по нему при наличии каких-либо факторов, определяющих неприменимость положения о прекращении статуса в отношении данного лица. Особенно существенно в этом отношении исключение из положения о прекращении, применимое согласно Конвенции лишь в отношении «статутных» беженцев¹¹³ (то есть, лиц, ставших беженцами перед принятием Конвенции 1951 года), но которое отражает общий гуманитарный принцип и

которое может и должно применяться по отношению к другим беженцам. Лица, способные привести «убедительные доводы», исходящие из прошлых преследований или событий и приведших к их признанию беженцами, не должны невольно лишаться своего статуса, несмотря на существенные, коренные, стабильные и длительные изменения. Данное исключение, по сути, признает, что некоторые формы и проявления преследований настолько жестоки и имеют настолько разрушительные последствия для психики, что даже после коренных изменений в обстоятельствах, отдельные лица не должны принуждаться к возвращению против своей воли. В настоящее время, данное исключение так же актуально, как и во время принятия Конвенции и применяется со стороны УВКБ и многих государств.¹¹⁴

57. Совсем не обязательно, чтобы последствием прекращения статуса беженца стало возвращение в страну происхождения или в прежнее место обычного проживания.¹¹⁵ Возможно, что в некоторых случаях беженцы, перестающие быть таковыми, уже приобрели и реализовали свое право на жительство или получение гражданства в результате длительного пребывания в стране убежища и действия местного законодательства. В других же случаях они уже возможно вступили в брак, родили детей или создали другие связи в стране убежища, практически полностью интегрировались в ней и обладают правом проживать там посредством иных, отличных от убежища механизмов.

V. Заключительные замечания

58. С момента своего создания пятьдесят лет назад предусмотренное в Статье 1 Конвенции 1951 года определение беженца стало основным инструментом предоставления эффективной защиты миллионам беженцев. В течение всех этих лет данное определение доказало свою гибкость и адаптируемость, наглядно демонстрируя, что надлежащее толкование Статьи 1 обеспечивает соблюдение и продвижение предметов и целей Конвенции 1951 года. Принципиальный подход к элементам включения, а также осторожное применение положений об исключении и прекращении являются неизменным условием для непрекращающейся эффективной защиты беженцев,

тем сам ограждая ее от дискредитации вследствие злоупотреблений и ослабления по причине излишних ограничений. Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что уравновешенное и целостное применение данного определения с учетом принципов прав человека, имеет наибольшие шансы для достижения правильного результата.

Управление Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев, Женева Апрель 2001 года

Сноски

¹Руководство было издано в 1979 году (на тот момент) Отделом международной защиты по просьбе Исполнительного комитета по вопросам помощи правительствам. В *Руководстве* представлены накопленные в течение первых 25 лет деятельности Управления Верховного комиссара по делам беженцев знания относительно различных элементов критериев предоставления статуса беженца, включая и учитывая практику УВКБ и отдельных государств, обмен мнениями между Управлением и государствами-участниками Конвенции 1951 года, а также существующую до публикации руководства литературу по данному вопросу. Данное Руководство, переизданное УВКБ в 1992 году, служило в прошлом и по сей день продолжает служить полезным ориентиром для правительственных чиновников, сотрудников УВКБ и судов, рассматривающих ходатайства о предоставлении статуса беженца.

² Пункт 1 Статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, принятой в Вене 23 мая 1969 года, 1155 U.N.T.S. 331, (1969) 8 I.L.M. 679. Статья 31 обычно воспринимается как отражающая текущее положение обычного права.

³ Пункт 2 Статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров.

⁴ Принцип *запрещения принудительного возвращения*, в прямой форме или в силу толкования, установлен в Статье 3 Конвенции ООН 1984 года против пыток, в Статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в Статье 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. По мнению многих авторитетных источников, этот принцип считается нормой обычного международного права, о чем свидетельствуют многочисленные заключения или резолюции международных организаций, в том числе Заключения

Исполнительного комитета № 25 (b) и 79 (i) и Статья 2 Декларации, принятой на Четвертом семинаре арабских экспертов по праву об убежище и беженцах, проведенном в Каире в ноябре 1992 года.

⁵ См. примечание Верховного комиссара о международной защите от 1998 года (A/AC.96/898), а также Заключение исполнительного комитета № 80(e) (i), 81(h), 82(d)(vi) и 85 пункты от (f) до (m) включительно.

⁶ «САНАР» принимало важные рекомендации по защите беженцев, которые впоследствии были приняты Комитетом министров на основе анализа прав человека, начиная с 1970-х годов.

⁷ См., например, *Cruz-Varas v. Sweden*, 20 март 1991 года, серия А, том 201, (1992) 14 E.H.R.R. 1; *Vilvarajah v. United Kingdom*, 20 октября 1991 года, серия А, том 215, (1992) 14 E.H.R.R. 248; *Chahal v. United Kingdom*, 15 ноября 1996 года, доклады по вердиктам и решениям 1996-V, (1996) 23 E.H.R.R. 413; *Ahmed v. Austria*, 17 декабря 1996 года, доклады 1996-VI, (1996) 22 E.H.R.R. 279; *H.L.R. v. France*, 29 апреля 1997 года, доклады 1997-III, (1998) 26 E.H.R.R. 29; *D v. United Kingdom*, 2 мая 1997 года, доклады 1997-III, (1997) 24 E.H.R.R. 423; *Jabari v. Turkey*, 11 июля 2000 года, заявление № 40035/98.

⁸ “Towards a Union of Freedom, Security and Justice: The Tampere Milestones” Presidency Conclusions, Tampere European Council, 15 и 16 октября, 1999 года, пункт 4.

⁹ В том же месте, пункт 13.

¹⁰ В том же месте.

¹¹ Вероятно, самым последним решением Палаты лордов Великобритании по этому вопросу было принято по делу «*Horvath v. Secretary of State for the Home Department*» 11 июля 6 года, (2000 W.L.R. 3), в котором некоторые лорды-судья подтвердили целостную природу теста, включая Лорда Ллойда Берика, который заявил следующее: «Я конечно принимаю, что в конце остается лишь один вопрос, а именно, отвечает ли претендент определению беженца, приведенному в подпункте 2 пункта «А» Статьи 1 Конвенции». (стр. 390) С той же целью Лорд Клайд предостерегает от слишком «подробного анализа составляющих элементов», которые «могут отвлечь и отклонить внимание от главной цели, которую необходимо достигнуть» (стр. 395). См. также решение Федерального суда Австралии по делу «*Kuldip Ram v. Minister for Immigration and Ethnic Affairs and the Refugee Review Tribunal*» от 27 июня 1995 года, № SG 17, 1995 года, Фед. № 433/95, иммиграционная служба, 130 ALR 314, в частности пункт 12.

¹² См. *Руководство*, пункт 37; Guy S. Goodwin-Gill, *The Refugee in International Law* (2d ed.) Clarendon Press, Oxford, 1996 год, пункт 41.

¹³ В деле *Horvath* Лорд Клайд также с одобрением цитирует слова Симона Браунаа Л. Джи в деле *Ravichandran v. Secretary of State for the Home*

Department [1996 г.] иммиграционная служба A.R. 97, 109, где он заявляет следующее: «Вопрос о том, находится ли данное лицо под угрозой преследования по одной из причин, предусмотренных Конвенцией», должен рассматриваться со всех сторон с учетом всех существенных обстоятельств» (стр. 399). См. также Goodwin-Gill, пункт 41.

¹⁴ См. *Руководство* УВКБ, пункты с 34 по 50. См. также *EU Joint Position on the Harmonised Application of the Definition of the term "refugee" in Article 1 of the Geneva Convention*, пункт 2.

¹⁵ Настоящее примечание относительно толкования Статьи 15 Конвенции 1 года непосредственно обращается к вопросам толкования, возникающим в контексте индивидуального определения статуса. Вопрос группового определения в рамках Конвенции здесь не рассматривается. Это должно означать, что Конвенция не применяется или не может применяться в ситуациях, когда индивидуальное определение статуса отсутствует. См. *Руководство* УВКБ, пункт 44 и недавно изданную работу: *The Refugee Concept in Group Situations*, Ivor C. Jackson, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague, 1999.

¹⁶ См. *Руководство* УВКБ, пункт 28.

¹⁷ См. примечание УВКБ о бремени и норме доказательств в утверждениях беженцев (UNHCR's *Note on Burden and Standard of Proof in Refugee Claims*), выпущенном в декабре 1998 года, где кратко приводится общая позиция УВКБ.

¹⁸ См. часть II *Руководства*, в особенности пункты с 195 по 219.

¹⁹ См. в частности пункты 5 и 6 *Примечания* УВКБ о бремени и норме доказательств в утверждениях беженцев, упомянутого в сноске 17, а также пункт 196 *Руководства*.

²⁰ См. пункты 16 и 17, а также правовые нормы, процитированные в приложении к вышеупомянутому *Примечанию* о бремени и норме доказательств в утверждениях беженцев. См. также *Руководство*, пункт 42.

²¹ См. пункты 9 и 10 упомянутого в сноске 17 *Примечания* о бремени и норме доказательств в утверждениях беженцев. См. также пункты 196-199 *Руководства*.

²² См. пункты 11 и 12 *Примечания* о бремени и норме доказательств в утверждениях беженцев (сноска 17) и пункты 199 и 202 *Руководства*.

²³ Существует схожее положение для лиц без гражданств, в котором цитируется не страна гражданской принадлежности, а прежнее место обычного жительства. Данное положение здесь не цитируется, поскольку оно не изменяет толкование ключевых элементов включения. Кроме того, существует второй параграф подпункта 2 пункта «А» Статьи 1, в котором указывается, что в случае, если какое-либо лицо является гражданином нескольких стран, выражение «страна его гражданской принадлежности»

означает любую из стран, гражданином которой оно является, и такое лицо не считается лишенным защиты страны своей гражданской принадлежности, если без всякой действительной причины, вытекающей из вполне обоснованных опасений, оно не прибегает к защите одной из стран, гражданином которой оно является. Речь идет о фактическом элементе, требующем для начала определения того, обладает ли претендент гражданством более чем одной страны, и если дело обстоит именно так, то требуется анализ того, есть ли у него или ее веская причина, исходящая из обоснованных опасений отказываться от защиты данного государства. См., например, *Commission de Recours des Réfugiés (C.R.R.) (France)*, *Nzoghu Musakirwa*, 21 октября 1999 года, 330.953; *Sywiolek ép. Farrayan*, 26 февраля 1999 года, 326.802; *Atranik Youssef ép. Tchakmakdyian*, 11 февраля 1999 года, 318.703.

²⁴ Следует напомнить, что, как отмечалось выше, в этом документе речь идет только о некоторых материально-правовых вопросах толкования, которые возникают в связи с применением критериев, предусмотренных Статьей 1. В данном документе процессуальные вопросы не затронуты во всех подробностях.

²⁵ См. пункты с 37 по 50 *Руководства*.

²⁶ См. в частности пункты 40 и 41 *Руководства*. По части правовой практики см., например: *New Zealand Refugee Status Appeals Authority (R.S.A.A.)*, *Re MN*, 12 февраля 1996 года, заявление о предоставлении статуса беженца № 2039/93 и многочисленные дела, которые там цитируются.

²⁷ В правовой практике и со стороны некоторых комментаторов данный аспект был проанализирован в рамках последнего пункта Статьи 1 как вопрос, связанный с готовностью или способностью претендента на получение убежища воспользоваться защитой страны своей гражданской принадлежности или прежнего обычного места жительства. По причинам, приведенным ниже в пунктах 15 и 35-37, подлинная цель данного анализа, скорее всего, состоит в оценке обоснованности опасений.

²⁸ В некоторых случаях, суды требовали от претендентов доказательств того, что они не будут защищены в какой-либо другой части страны, что представляет собой невозможное бремя и явно расходится с определением беженца, ключевым критерием которого является требование о том, чтобы лицо, претендующее на получение убежища показало наличие обоснованных опасений в связи с преследованиями по одной из причин, предусмотренных Конвенцией.

²⁹ См. возможные исключения в Приложении «Переселение и представители государства» к Меморандуму о внутренних перемещениях (следующая сноска). Даже если государство не имеет фактического контроля над частью своей территории, как в случае с Северным Ираком,

нельзя предполагать, что существует возможность внутреннего переселения без оценки всех обстоятельств. См. например прецедентную базу Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища (АСС), Решение от 12 июля 2000 года.

³⁰ См. Меморандум УВКБ о внутреннем переселении как альтернативе убежища: так называемый принцип «внутренней альтернативы бегства» и «принцип переселения» (*Relocating Internally as an Alternative to Seeking Asylum: (the So-Called "Internal Flight Alternative" or "Relocation Principle")*), выпущенном в Женеве в феврале 1999 года. См. также *Руководство УВКБ*, пункт 91.

³¹ См. James C. Hathaway, *The Law of Refugee Status*, Butterworths, Торонто, 1991 год, стр. 101 и далее, в частности, 104/105. См. также связанное с этим обсуждение, пункты с 35 по 37 относительно значения элемента «неспособность/нежелание».

³² См. G. Goodwin-Gill пункт 77.

³³ См. J. Hathaway стр. 7, сноска 36.

³⁴ См. комментарии Пола Вайса (Paul Weis) в документе ООН № HCR/INF/49, 22; в том же месте: *The concept of the refugee in international law* (1960 г.), 87 JDI 928 at 970; Atle Grahl-Madsen, *The Status of Refugee in International Law*, Sijthoff, Leyden, 1966 год, том I, раздел 21, пункт 82, стр. 193. См. также решение Федерального суда Австралии по делу *Kuldip Ram v. Minister for Immigration and Ethnic Affairs and the Refugee Review Tribunal* от 27 июня 1995 года, № SG 17 из 1995 Fed No. 433/95, иммиграционная служба (1995 г.) 130 ALR 314, пункт 7: «Мне кажется, что тот, кто редактировал данное положение, мудро избрал широкие формулировки, сужение которых не является задачей настоящего суда» (судья Берчет).

³⁵ См. *Руководств УВКБ*, пункты 51 – 53; см. также решение Верховного суда Канады по делу *Canada (Attorney General) v. Ward* от 30 июня 1993 года, [1993] 2 S.C.R. 689, пункт 734; решение Верховного Суда Австралии по делу *Applicant A v. Minister for Immigration and Ethnic Affairs* от 24 February 1997 года, (1997 г.) 190 C.L.R. 225 (McHugh J.) и решение по делу *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Ibrahim* от 26 октября 2000 года, [2000] HCA 55, пункт 65 (судья Махью).

³⁶ См. *Руководство УВКБ*, пункт 54; см. также решение Верховного Суда Австралии по делу, *Chen Shi Hai v. Minister of Immigration and Multicultural Affairs*, 13 апреля 2000 года, [2000] HCA 19, пункт 25.

³⁷ См. *Руководство УВКБ*, пункт 55.

³⁸ См. в целом пункты от 56 по 60 и от 167 по 174 *Руководства*.

³⁹ См. в частности пункты 59 и 60 *Руководства*, а также связанные с ними разделы в Документе о позиции УВКБ по преследованию в связи с гендерной принадлежностью (UNHCR's position paper on *Gender-Related*

Persecution), сноска 67 ниже.

⁴⁰ См. Руководство, а также документы о позиции УВКБ по отклонению от воинского призыва в особых обстоятельствах. В частности, см. пункты 1 и 8-10 документа о Дезертирах и лицах, уклоняющихся от военной службы из Федеральной Республики Югославия в станах убежища: существенные соображения (*Deserters and Persons avoiding Military Service originating from the Federal Republic of Yugoslavia in Countries of Asylum: Relevant Considerations*) от 1 октября 1999 года.

⁴¹ Даже если военные действия, участие в которых требуется от данного лица, ведутся в предписанных законами войны пределах, данное лицо все равно может рассматриваться отказывающееся от военной службы по соображениям совести и, следовательно, может расцениваться как беженец, если он или она может доказать, что его или ее моральные, религиозные или политические возражения на участие в указанных военных действиях являются настолько подлинными, серьезными и глубокими, что было бы нравственно неправильно требовать от него/нее участия в указанных военных действиях. Например, под это описание подпадают случаи с членами этнических меньшинств, которые в ситуации внутренних конфликтов могут быть вынуждены участвовать в военных действиях против своего собственного этнического сообщества. Это исключение отражено в пункте 10 Меморандума УВКБ ООН об уклонении от военной службы в Федеративной республике Югославии, на который приводится ссылка непосредственно в предыдущей сноске.

⁴² УВКБ ООН известно о четырех западноевропейских государствах, которые придерживаются этой позиции. Одно из этих государств в настоящее время изучает данный подход в целях возможного его изменения. См., например, Conseil d'Etat (France), *Henni*, 12 октября 1998 года, 179.364; *Dankha*, 27 мая 1983 года, 42.047; Федеральный конституционный суд (Германия), 10 июля 1989 года, BVerfGE 80, 315;

⁴³ См., например, решение Верховного Суда Канады по делу *Canada (Attorney General) v. Ward* от 30 июня 1993 года, [1993] 2 S.C.R. 689; решение Апелляционного суда США по делу *Rosa v. INS*, 440 F.2d 100 (1st Cir. 1971) и по делу *In re McMullen v. INS*, 658 F.2d 1312 (9th Cir. 1981); решение Высшего суда Австралии по делу *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Ibrahim* от 26 октября 2000 года, [2000] HCA 55; Новая Зеландия, R.S.A.A., 16 августа 2000, заявление о предоставлении статуса беженца № 71427/99; решение Палаты Лордов по делу *Islam (A.P.) v. Secretary of State for the Home Department, Regina v. Immigration Appeal Tribunal and Another ex parte Shah* от 25 марта 1999 года [1999] 2 A.C. 629 и решение по делу *Horvath v. Secretary of State for the Home Department* от 6 июля 2000 года, [2000] 3 W.L.R. 379; Rechtseenheidskamer (REK) Гаара, 27 августа 1998 года, Ref.-No. AWB 98/3068 VRWET and Ref.-No. 98/3057

VRWET; решение Бельгийской постоянной комиссии по делам беженцев (Commission permanente de réfugiés (C.P.R.)) (1 ch.) от 21 ноября 1991 года, F035; Апелляционный совет по делам беженцев (R.A.V.) (Дания), 1 февраля 1994 года, № 21-0486 и 24 Июня 1994 года, № 21-0435; см. также исследование об негосударственных агентах преследования, подготовленное Европейским Советом по делам беженцев и изгнанников (2000 г.).

⁴⁴ См. также Документ о позиции УВКБ по агентам преследования (1995 г.); UNHCR, *An Overview of Protection Issues in Western Europe: Legislative Trends and Positions Taken by UNHCR*, европейская серия, том 1 № 3, сентябрь 1995 года, стр. 28-30; *Opinion of UNHCR regarding the question of non-State persecution, as discussed with the Committee on Human Rights and Humanitarian Aid of the German Parliament (Lower House)*, 29 ноября 1999 года, разделы IV и V; Volker Thrk, *Non-State Agents of Persecution*, презентации на совещании Высшего института международных отношений, 3 ноября 2000 года, Женева. См. также *Руководство*, пункты 37 и 65.

⁴⁵ См., например, решения Французской комиссии по делам беженцев (Commission des Recours des Réfugiés (CRR)) от 3 июля 1991 года, 144.955; 14 января 1991 года, 70.854; 19 февраля 1988 года, 30.022; решения Государственного совета Бельгии (Conseil d'Etat), по делу *Muric* от 26 мая 1993 года, 43.082, (1993 г.) Rev.Dr.Etr. 366; решение Бельгийской постоянной комиссии по делам беженцев (Commission permanente de réfugiés (C.P.R.)) (1 ch.) от 8 февраля 1994 года, F246; R.A.V. (Дания) от 14 октября 1994 года, N. 21-1479; см. также судебную практику США в решении по делу *Kotasz v. INS*, 31 F.3d пункты 847-849 (4th Cir. 1988) и по делу *Arteaga v. INS*, 836 F.2d, пункты 1227-1232 (9th Cir. 1988); см. также решение Апелляционного суда США по делу *Chen v. INS*, 195 F.3d 198 (4th Cir. 1999).

⁴⁶ См. решение Палаты лордов по делу *Adan v. Secretary of State for the Home Department* от 2 апреля 1998 года, [1999] 1 A.C. 293 пункт 311 (Лорд Лойд Бервик); решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища, EMARK, 1999 год, № 7, пункт 4 а).

⁴⁷ См. схожую позицию в решении Высшего суда Австралии по делу *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Ibrahim* от 26 октября 2000 года, [2000] HCA 55, пункты 196-199 (судья Кэрби); решение Федерального суда Австралии по делу *MIMA v. Abd*, от 26 марта 1999 года, [1999] 87 FCR 280. См. также примечание УВКБ «Конвенции 1951 года о статусе беженцев: ее применимость в современных условиях» (*The 1951 Convention relating to the Status of Refugees: Its relevance in the contemporary context*), выпущенное в феврале 1999 года.

⁴⁸ Заключение исполнительного комитета № 85 (1998), пункт (с).

⁴⁹ См. пункты 39 и 164-166 *Руководства*; Заключение исполнительного комитета № 22 (1981 г.) пункт I.1; № 74 (1994 г.) пункт (I); № 85 ((1998 г.) пункт (с).

⁵⁰ См., например, G. Goodwin-Gill, пункт 75; J. Hathaway, пункты 185-8; Walter Kälin, *Refugees and Civil Wars: Only a Matter of Interpretation?* (1991 г.) 3 I.J.R.L. 435; Serge Bodart, *Les réfugiés apolitiques: guerre civile et persecution de groupe au regard de la Convention de Genève* (1995 г.) 7 I.J.R.L. 39. Относительно судебной практики см. решение Высшего суда Австралии по делу *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Ibrahim*, 26 октября 2000 года, [2000] HCA 55; решение Федерального суда Канады, *Salibian v. Canada* [1990] 3 F.C. 250; решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища (А.С.С.), EMARK 1997 № 14, пункт 4.d) dd); решение Апелляционного суда США по делу *Montecino v. INS*, 915 F.2d 518 (9th Cir. 1990); ср. альтернативы «схожего положения» и «выделения» в законодательстве США в Deborah Anker, *Law of Asylum in the United States*, Refugee Law Center, Boston, 1999 г., стр. 67-76.

⁵¹ Более подробное обсуждение см. в Сопроводительном меморандуме УВКБ о дополнительной защите, на который приводится ссылка ниже в сноске 68.

⁵² Например, отказ некоего лица исповедовать определенную религию может рассматриваться властями в качестве политической оппозиции по отношению к режиму, основанному на подобной религии, см., например: New Zealand (R.S.A.A.), *Re MN*, 12 февраля 1996 года, Заявление о предоставлении статуса беженца № 2039/93, и № 71427/99 от 16 августа 2000 года.

⁵³ См. *Руководство* УВКБ, пункты 66 и 67.

⁵⁴ См. *Руководство* УВКБ, пункты 78 и 80. См. также решение Верховного суда Канады по делу *Attorney General (Canada) v. Ward* от 30 июля 1993 года, [1993] 2 SCR 689, 747; решение Федерального апелляционного суда по делу *Inzunza v. Canada*, [1979 г.], 103 D.L.R. (3d) 105, 109 (F.C.A.); решение Апелляционного суда США по делам *Sangha v. INS*, 103 F.2d 1402, 1489 (9th Cir. 1997); *Lopez-Galarza*, 99 F.3d 954 (9th Cir. 1996); *Desir v. Ilchert*, 840 F.2d 723, 728 (9th Cir. 1988); *Hernandez-Ortiz v. INS*, 777 F.2d 509, 517 (9th Cir. 1985); решение С.Р.Р. (2 ch.) (Belgium) от 25 февраля, F059; решение Высшего административного суда по делу VGH Baden-Württemberg (Германия) от 31 августа 1992 года, A 16 S 1055/92; (Соединенное Королевство) по делу *Secretary of State for the Home Department v. Patrick Kwame Otchere*, [1988] Imm.A.R. 21 (Tribunal); по делу *Re Gholam Hussain Ershadi-Oskoi* от 4 мая 1993 года, № 10120 (Апелляционный трибунал по вопросам иммиграции); Hoge Raad (Н.Р.) (Нидерланды), *A.B.*, от 26 февраля 1993 года, 493, 1993; Государственный

совет (ARRvS), 15 июня 1993 года, *R.V.*, 1993 года, 10.

⁵⁵ Существует два международных документа: Конвенция о статусе апатридов 1954 года (принята в Нью-Йорке 28 сентября 1954 года, 360 U.N.T.S. 117) и Конвенция 1961 года о сокращении безгражданства (принята в Нью-Йорке, 30 августа 1961 года, документ ООН № A/CONF.9/15, 1961 г.), которые относятся к данной проблеме и предоставляют правовые рамки для национального и регионального законодательства. УВКБ имеет мандат от Генеральной Ассамблеи ООН относительно безгражданства, который в основном основан на его назначении в качестве органа, в который может обратиться лицо, претендующее на применимость к нему Конвенции 1961 год. См. резолюции ГА ООН 3274 (XXIV) от 10 декабря 1974 года, 31/36 от 30 ноября 1976 года и 50/152 от 9 февраля 1996 года. См. также Заключение исполнительного комитета №78 (XLVI) от 1996 года. Для более подробного ознакомления с этим вопросом см. статью Кэрола Бэтчелора (Carol Batchelor) *Statelessness and the Problem of Resolving Nationality Status* (1998 г.) 10 I.J.R.L. 156.

⁵⁶ См. *Руководство*, пункты с 74 по 76 и пункт 89. См. также Goodwin-Gill, *The Refugee in International Law* (2d ed) раздел 4.2.3 (стр. 45) и примечания к нему.

⁵⁷ См. обсуждение выше в пункте 20 о придающейся в настоящее время важности преследования по причине этнической принадлежности.

⁵⁸ См., например, решение Высокого суда Австралии по делу *Applicant A v. Minister for Immigration and Ethnic Affairs* от 24 февраля 1997 года, [1997] С.L.R. 225 (судья Макхью); решение Федерального суда Австралии по делу *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Khawar* от 23 августа 2000 года, [2000] FCA 1130 (судья Хилл); решение С.Р.Р. (1 ch.) (Бельгия) от 23 января 1992 года, R319; см. также *Руководство* УВКБ, пункты с 77 по 79 и G. Goodwin-Gill, пункт 47.

⁵⁹ См. решение Апелляционного Совета США по вопросам иммиграции по делу *Matter of Acosta* от 1 марта 1985 года, 19 I & N Dec. 221, по делу *In re Kasinga* от 13 июня 1996 года, промежуточное решение №3278, доклад подготовлен в (1997г.) I.J.R.L. – специальный выпуск, 213-234; решение Верховного суда Канады по делу *Attorney General (Canada) v. Ward* от 30 июня 1993 года, [1993] 2 SCR 689; Апелляционный совет по вопросам беженцев (V.B.C.) (2 ch.) (Бельгия), 8 апреля 1992 года, E024; решение Палаты лордов по делам *Islam v. Secretary of State for the Home Department*, *Regina v. Immigration Appeal Tribunal, ex parte Shah* от 25 марта 1999 года, [1999] 2 A.C. 629; см. также J. Hathaway, пункты 160-161.

⁶⁰ См., например, решение Государственного совета (ARRvS) (Нидерланды) от 26 мая 1993 года, *R.V.*, 1993, 4; решение Федерального административного суда (BVerwG) от 15 марта 1988 года, 9 C 178.86;

Административного суда Ансбаха (VG) от 19 февраля 1992 года, AN 17 K 91.44245; решение Верховного суда Австрии (VwGH) от 20 октября 1999 года, 99/01/0197; решения Государственного совета Франции (Conseil d'Etat) по делу *Ourbih* от 23 июня 1997 года, 171.858; решение С.Р.Р. (Франция) по делу *Ourbih* от 15 мая 1998 года, 269.875; по делу *Djellal* от 12 мая 1999 года, 328.310

⁶¹ См., например, решение Федерального Суда Канады по делу *Cardozo Porto v. Canada* [1992] F.C.J. № 881 (QL); С.Р.Р. (France), 12 июля 1985 года, 26.971 и 5 декабря 1985 года, 30.819; см. также F. Tiberghien, *La protection des refugies en France*, Paris, Economica, 1988 год, стр. 316.

⁶² Важно отметить, что пол и гендерная принадлежность, хотя и связаны друг с другом, однако не являются синонимами. Пол относится только к биологическим особенностям и различиям, в то время как гендерная принадлежность обозначает всю социальную структуру, построенную вокруг и включающую эти различия. Следовательно, фраза «гендерная принадлежность» является термином, который включает пол, а УВКБ пользуется термином «преследование по признаку гендерной принадлежности» для обозначения обеих форм и причин преследования.

⁶³ См. последнее решение Судебной палаты Международного суда по бывшей Югославии по делам Кунарача, Ковача и Вуковича (которые можно найти здесь: <http://www.un.org/icty/foca/trialc2/judgement/index.htm>) для обсуждения с точки зрения уголовного права изнасилований как средства преследования по признаку этнической принадлежности. См. в частности раздел V(C), пункты с 570.

⁶⁴ См., например, решения Апелляционного Суда США по делу *Fatin v. INS*, 12 F.3d 1233 (3rd Cir. 1993); *Fisher v. INS*, 79 F.3d 955 (9th Cir. 1996); решения Апелляционного совета по вопросам иммиграции по делу *In Re SA*, от 27 июня 2000 года, решение № 3433; ср. также Deborah Anker, *Law of Asylum in the United States*, стр. 365 и последующие; решение Федерального суда Канады по делу *Namitabar v. Canada (MEI)* от 5 ноября 1993 года, [1994] 2 FC 42; решение С.Р.Р. (France) от 19 декабря 1989 года, 60.025; решение Р.С.А.А. (Новая Зеландия) от 27 сентября 1999 года, апелляция в связи с предоставлением статуса беженца № 71462/99; дело *Re MN* от 12 February 1996 года, апелляция в связи с предоставлением статуса беженца № 2039/93.

⁶⁵ См. решение Апелляционного суда США по делу *Hernandez-Montiel v. INS* от 24 августа 2000 года, (9th Cir. 2000).

⁶⁶ См., например, решение Палаты лордов по делу *Islam v. Secretary of State for the Home Department, Regina v. Immigration Appeal Tribunal, ex parte Shah* от 25 марта 1999 года, [1999] 2 A.C. 629; решение Федерального суда Австралии по делу *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Khawar* от 23 августа 2000 года, [2000] F.C.A. 1130;

решение R.S.A.A. (Новая Зеландия) от 16 августа 2000 года, апелляция в связи с предоставлением статуса беженца № 71427/99; решение Совета Канады по вопросам иммиграции и беженцев по делу *Re Mayers and Minister of Employment and Immigration* (1992 г.) 97 DLR (4th) 729; решение Апелляционного суда США по делу *Lazo-Majano v. INS*, 813 F.2d 1432 (9th Cir. 1987).

⁶⁷ Для более подробного представления позиции УВКБ в вопросе преследования по признаку гендерной принадлежности см. документ УВКБ о преследовании по признаку гендерной принадлежности (*Gender-Related Persecution*), недавно представленный в CIREA. Обзор судебной практики до момента публикации см. в *Gender-Related Persecution: An Analysis of Recent Trends* (1997 г.) I.J.R.L. – специальный выпуск, стр. 79. Подход УВКБ в основном совпадает с подходами некоторых стран убежища, которые опубликовали руководящие принципы по вопросу утверждений о преследовании по признаку гендерной принадлежности. См. руководящие принципы Совета Канады по вопросам иммиграции и беженцев *Guidelines on Women Refugee Claimants Fearing Gender-Related Persecution* (9 марта 1993 ноября, дополнено 25 ноября 1996 года), (1993 г.) 5 I.J.R.L. стр. 278-318; ср. Chantal Bernier, *The IRB Guidelines on Women Refugee Claimants Fearing Gender-Related Persecution* (1997 г.) I.J.R.L.-специальный выпуск, стр. 167; Considerations for Asylum Officers Adjudicating Asylum Claims from Women, выпущено Службой иммиграции и натурализации США (1995 г.) 7 I.J.R.L. стр. 700-719; ср. Lori L. Scialabba, *The Immigration and Naturalization Service Considerations for Asylum Officers Adjudicating Asylum Claims from Women*, (1997 г.) I.J.R.L. – специальный выпуск, стр. 174; Австралийский департамент по вопросам миграции и мультикультурализма, отдел гуманитарных виз и виз для беженцев: “Guidelines on Gender Issues for Decision Makers” (июль 1996 года), (1997) I.J.R.L.-специальный выпуск, стр. 195; и Апелляционный орган по вопросам иммиграции Соединенного Королевства, “Asylum Gender Guidelines”, опубликовано в ноябре 2000 года.

⁶⁸ УВКБ издало сопроводительное примечание относительно дополнительной защиты под названием «Международная защита беженцев: дополнительные формы защиты» УВКБ, 2001 год, которое необходимо привести для разъяснения позиции Управления по лицам, которые должны пользоваться подобной защитой, а также процедур, необходимых для определения бенефициариев и норм отношения к ним. Там приводится также ссылка на типы случаев, при которых предоставление дополнительной защиты НЕ требуется, а необходимо признание статуса беженца.

⁶⁹ Фактически публикации «*Convention Relating to the Status of Refugees, Its History, Contents and Interpretation, A Commentary*» (впервые издана

Мировым еврейским Конгрессом в 1953 год и переиздана УВКБ ООН в 1997 году), подготовленной Немения Робинсоном (кто был одним из самых активных участников Конференции полномочных представителей, занимавшихся редакцией Конвенции), автор называет эту часть Статьи 1 одним из двух «условий», которые применимы к беженцам, предполагая, что она не является элементом, подлежащим толкованию, а простым фактическим соображением (стр.10).

⁷⁰ См. *Руководство УВКБ*, пункты с 94 по 96.

⁷¹ В том же месте, пункт 96; относительно судебной практики см. решение Высшего административного суда (OVG) земли Северный Рейн-Вестфалия (Германия) от 22 сентября 2000 года, 1 A 2531/98.A (Vietnam); Высшего административного суда (OVG) земли Нижняя Саксония от 19 сентября 2000 года, 11 L 2068/00 (China); Высшего административного суда (OVG) земли Рейнланд-Пфальц от 18 февраля 2000 года, 10 A 11821/98, NVwZ 2000, Beilage Nr. 7, p. 84-86 (Turkey); решение С.Р.Р. (Франция) по делу *Oumar* от 11 декабря 1998 года, 319.389; решение апелляционного совета по вопросам беженцев (Бельгия), V.B.C. (2 ch.), 12 октября 1992 года, W676; С.Р.Р., 13 сентября 1990 года, F014; решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища (AAC), EMARK от 1999 года № 29.

⁷² См., например, решение Апелляционного суда Великобритании по делу *R. v. Immigration Appeal Tribunal, ex parte B*, [1989] Imm.A.R. 166 и по делу *R. v. Secretary of State for the Home Department, ex parte Gilgham* [1995] Imm.A.R. 129; относительно элемента продолжительности см. решение Высшего административного суда (OVG) земли Баден-Вюртенберг от 10 декабря 1992 года, A 16 S 559/92; решение Государственного совета Нидерландов, департамент юрисдикции (ARRvS.) от 12 июля 1978 года, R.V., 1978 г., 27.

⁷³ См., например решение Апелляционного суда Великобритании по делу *Danian v. Secretary of State for the Home Department* [2000] Imm.A.R. 96 (от 28 октября 1999 года); решение Апелляционного суда США по делу *Bastanipour v. INS*, 980 F.2d (7th Cir. 1992); решение Федерального суда Австралии по делу *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Mohammed*, от 5 мая 2000 года, [2000] F.C.A. 576; R.S.A.A. (Новая Зеландия), дело *HB* от 21 сентября 1994 года, заявление о предоставлении статуса беженца № 2254/94; решение С.Р.Р.Р. (Бельгия), С.Р.Р. (2 ch.) от 8 июля 1992 года, F106; однозначно против требования о добросовестности: Федеральный административный суд (BVerwG), 10 января 1995 года, 9 C 276.94, (1995 г.) DVBl., стр. 573; решение BverwG от 4 декабря 1990 года, 9 C 99/89, Buchholz 402.25, пункт 28 AsylVfG № 20.

⁷⁴ См., например, Hathaway, James C., цитируется в сноске 31 выше; дело *Zalzali v. Canada (Minister of Employment and Immigration)*, решение

Федерального апелляционного суда, 27 ACWS 3d 90, от 30 апреля 1991 года; и более недавние решения Лорд Лойда Берика по делу *Adan v. Secretary of State for the Home Department* [1999 г.] 1 AC 293, пункт 304 C-E и в деле *Horvath*, см. сноску 11 выше.

⁷⁵ См. пункты 97-100 Руководства относительно данной фразы, в которых, хотя и не в прямой форме, приводятся некоторые примеры, касающиеся дипломатической или консульской защиты. См. также неопубликованный доклад Антонио Фортина «*The Meaning of "Protection" in the Refugee Definition*» (лето 2000 года), в котором подробно описывается редактирование и последующая история данного элемента определения.

⁷⁶ Тест для лиц без гражданства, приведенный в заключительной части подпункта 2 пункта «А» Статьи 1, как и случае с лицами обладающими гражданством, не сводится к готовности или способности воспользоваться защитой государства формального обычного места жительства, а скорее состоит в нежелании беженца туда возвращаться. Это подтверждает, что изначально значение этой фразы статьи относилось к дипломатической или консульской защите, предоставляемой гражданам за пределами государства.

⁷⁷ См. доклад Вальтер Кэлина (Walter Kälin): *Non-State Agents of Persecution and the Inability of the State to Protect*, представленное на Конференции IARLJ в Берне, Швейцария, в октябре 2000 года, раздел 2.2.2.

⁷⁸ См. доклад Фортина, упомянутый в сноске 75, на странице 30.

⁷⁹ См. сноску 74 выше.

⁸⁰ См. пункт 19 этого доклада и объяснения в последующей сноске.

⁸¹ В этом отношении, толкование определения «беженец» в Статье 1, в которой ключевым элементом является наличие государственной защиты от преследования, поддерживает довод о том, что лица, которым угрожают негосударственные агенты, являются беженцами в предусмотренном Конвенцией смысле, поскольку они лишены государственной защиты. Тем не менее, стоит отметить, что, принятие исторически корректного значения фразы «внешняя защита» вполне совместимо с позицией о том, что лица, опасаящиеся преследований со стороны негосударственных агентов, также являются беженцами. Как указывается в заключительных пунктах доклада Фортина (сноска 75), может быть вполне допустимо для лица, опасаящегося негосударственных агентов, отказаться от дипломатической защиты вне пределов своей страны, поскольку это предоставило бы его стране происхождения возможность вернуть его туда на законных основаниях. Это бы подвергло беженца вызывающему опасения вреду и следовательно сделало бы его нежелание пользоваться внешней защитой разумным шагом «ввиду подобных опасений» по поводу

преследования

⁸² См. пункт 15.

⁸³ Такая же позиция была принята в докладе Фортина о значении защиты, упомянутой в сноске 75 выше.

⁸⁴ См. доклад Кэлина, сноска 77, раздел 3.2.

⁸⁵ Пункты «D» и «E» Статьи 1.

⁸⁶ Пункт «F» Статьи 1.

⁸⁷ См. *Руководство* УВКБ, пункт 149; J. Hathaway, стр. 191; C.P.R. (2 ch.) (Белгия), 29 июня 1994 года, F274.

⁸⁸ См. *Руководство* УВКБ, пункт 142.

⁸⁹ По аналогии с пунктом 143 *Руководства*, разумно утверждать, что лица, находящиеся за пределами данной территории, если они в остальном отвечают критериям Статьи 1, не должны исключаться из возможности получения статуса беженца на основании существования подобного органа.

⁹⁰ См. *Руководство* УВКБ, пункт 145.

⁹¹ См. *The Exclusion Clauses: Guidelines on their Application*, УВКБ, декабрь 1996 года, в частности пункты 6 и 7 (опубликованы под номером IOM/83/96/FOM/93/96, 2 декабря 1996 года, имеется также в наличии в базе данных по политике и судебной практике по вопросам беженцев UNHCR REFworld).

⁹² См., например, решение Федерального апелляционного суда Канады по делу *Canada (MCI) v. Hussein* от 7 января 2000 года, регистрационный номер: A-800-95, пункт 25: «более чем подозрение или предположение, но меньше чем доказательство при уравнивании вероятностей», решение по делу *Moreno v. Canada (MEI)* от 14 сентября 1993 года, [1993] 1 F.C. 298; см. также решение Апелляционного суда США по делу *McMullen v. INS*, 788 F.2d 591 (9th Cir. 1986); решение Государственного совета Франции (Conseil d'Etat) по делу *Ressaf* от 15 мая 1996, 153.491; решение С.Р.Р. (Франция) по делу *Warnakulasuriya Ichchampullege* от 20 мая 1996 года, 295.425; решение Апелляционного суда Великобритании (отдел гражданских дел), по делу *T. v. Secretary of State for the Home Department* от 3 ноября 1994 года [1995] 1 W.L.R. 545; решение С.Р.Р.Р. (Бельгия) от 18 января 1996 года, F390; решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища, EMARK, 1999 года № 12, пункт 5; см. также G. Goodwin-Gill, стр. 97.

⁹³ Подобная квалификация, требующая, чтобы обвинительный акт или его подтверждение были вынесены международным, а не национальным судом, преднамеренна и основана на том предположении, что возможны попытки национальных властей через суд или трибунал заставить замолчать своих оппонентов и критиков при помощи судебного преследования, что порой происходит по итогам гражданской войны.

Описание процедуры вынесения обвинительных актов и их подтверждения Трибуналом по Руанде (обязательна перед выдачей ордеров на арест или задержание, либо других ордеров необходимых для подготовки к судебному процессу) см. в докладе Вице-президента Международного уголовного трибунала по Руанде Эрика Мрсе, подготовленного для 4-ой Конференции Международной ассоциации судей, работающих в рамках права беженцев, Берн, Швейцария, октябрь 2000, пункты 27 - 31. В докладе говорится, что подтверждение обвинительного акта, который выносится на основании теста о подготовке дела *по первичным признакам* со стороны государственного обвинителя, однозначно отвечает требованиям теста о «веских причинах для рассмотрения».

⁹⁴ УВКБ приняло именно этот подход в делах по Руанде. См. пресс-релиз Верховного комиссара от 25 сентября 1996 года, в котором объявлялось об исключении статуса беженца со стороны Управления верховного комиссара по делам беженцев для 20 граждан Руанды, которым Международный уголовный трибунал по Руанде вынес обвинение, с призывом к государствам поступить таким же образом в случае, если эти указанные 20 граждан Руанды попросят у них убежища. После описания положений об исключении, предусмотренных Конвенцией 1951 года и Конвенцией ОАЕ 1969 года в заключительном пункте пресс-релиза указывается, что: «УВКБ считает обвинительные акты, вынесенные трибуналом, достаточным основанием для исключения из статуса беженца в соответствии со своим собственным мандатом и Конвенцией ОАЕ».

⁹⁵ Для более полного разъяснения этих вопросов следует обратиться к Руководящим принципам исключения (ссылка приводится в сноске 91 выше) особенно к пунктам 36 - 48; см. также: *Serious reasons for considering*: minimum standards of procedural fairness in the application of the article 1 (F) exclusion clauses, (2000 г.) 12 I.J.R.L. – специальный дополнительный выпуск по вопросам исключения, пункт 92.

⁹⁶ Принято в Риме 17 июля 1998 года на Дипломатической Конференции Организацией Объединенных Наций для полномочных представителей по учреждению Международного уголовного суда, исправленные протоколы от 10 ноября 1998 года и 12 июля 1999 года. С точки зрения исключения особенно важны статьи 6, 7 и 8 Статута, в которых даются определения геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений.

⁹⁷ Относительно национальной судебной практики см., например, решение Федерального апелляционного суда по делу *Sivakumar v. Canada (MEI)* от 4 ноября 1993 года, [1994] 1 F.C. 433; по делу *Equizabal v. Canada (MEI)* от 26 мая 1994 года, [1994] 48 A.C.W.S. 3d 793; решение C.R.R. (Франция) по делу *Bicamumpaka* от 23 октября 1997 года, 294.336; по делу *Galimov* от 5

мая 1997 года, 307.510; по делу *Ntagerura* от 19 июня 1996 года, 282.004; по делу *Mbarushimana* от 19 июня 1996 года, 280.634; решение С.Р.Р.Р. (Бельгия) от 18 мая 1995 года R2747; от 28 марта 1995 года, R2632; от 23 июля 1993 года, R1338; решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища (ААС), EMARK 1999 года, №12; см. также: *Jelena Pejic, Article 1 F (a): The notion of international crimes*, (2000 г) 12 I.J.R.L. 11 – специальный дополнительный выпуск по вопросам исключения.

⁹⁸ *Руководство УВКБ*, пункт 155.

⁹⁹ См. *Руководство УВКБ*, пункт 60. Относительно национальной судебной практики, см. например, решение Суда королевской скамьи по делу *R. v. Secretary of State for the Home Department, ex parte Baljit Singh*, [1994 г.] Imm.A.R. 42 (Q.B.D.); решение Государственного Совета Франции (Conseil d'Etat) по делу *Ressaf* от 15 мая 1996 года, 153.491; от 25 сентября 1985 года, 62.847; решение С.Р.Р. (Франция) от 26 ноября 1993 года, 222.900; решение по делу *Wilfred Karalasingham* от 20 июля 1993 года, 233.673; по делу *Rajkumar* от 12 марта 1993 года, 230.875; Решение отдела по определению беженцев в рамках Конвенции (С.Р.Д.Д.) (Канада) по делу *A. (T.W.) (Re)*, [1991 г.] С.Р.Д.Д. № 430 (QL); Апелляционный Совет США по вопросам иммиграции (В.И.А.) по делу *In re Ballester-Garcia*, [1980 г.] 17 I. & N. Dec. 592, 595; по делу *In re Rodriguez-Palma*, [1980 г.] 17 I. & N. Dec. 465, 468. См. также А. Grahl-Madsen, *The Status of Refugees in International Law*, том I, пункт 107, стр. 294 и последующие; J. Hathaway, стр. 221-226; G. Goodwin-Gill, стр. 104-108 и *Walter Kälin and Jörg Künzli, Article 1 F (b) of the 1951 Refugee Convention: Freedom Fighters, Terrorists, and the notion of serious non-political crimes*, (2000 г.) 12 I.J.R.L. 46 – специальный дополнительный выпуск по вопросам исключения.

¹⁰⁰ См. *Руководство УВКБ*, пункт 152; из национальной судебной практики см. решение Федерального суда Австралии по делу *Singh v. MIMA*, 19 ноября 1999 года, [1999] F.C.A. 1599; решение Верховного суда США по делу *INS v. Aguirre Aguirre* от 3 мая 1999 года, 119 S.C. 1439 (1999 г.), (1999 г.) 38 I.L.M. 786, 791; решение Палаты лордов по делу *T. v. Immigration Officer*, [1996 г.] 2 W.L.R. 766; решение Апелляционного суда США по делу *McMullen v. INS*, 788 F.2d 591 (9th Cir. 1986); решение Федерального суда Канады по делу *Gil v. Canada (MEI)* от 21 октября 1994 года, [1994] F.C.J. №1559; Государственный совет (Conseil d'Etat) по делу *Urizar-Murgoito* от 14 декабря 1987 года, Rec. Dalloz Sirey, 1988, Inf. rap. стр. 20.

¹⁰¹ См. *Руководство УВКБ*, пункты 159-161.

¹⁰² См. Руководствующие принципы исключения (*The Exclusion Guidelines*) (пункт 91); см. также *Руководство УВКБ*, пункт 156; С.Р.Р.Р. (Бельгия) от 23 апреля 1998 года, W4589; от 9 марта 1998 года, W4403; от 9 августа

1995 года, W1916; решения Апелляционного суда Великобритании по делу *R. v. Secretary of State for the Home Department, ex parte Chahal* от 22 октября 1993 года, (1994) 1 W.L.R. 526; G. Goodwin-Gill, стр. 106-107; J. Hathaway, стр. 225; см., тем не менее, решение Верховного суда США по делу *INS v. Aguirre-Aguirre* от 3 мая 1999 года, 119 S.C. 1439 (1999), (1999) 38 I.L.M. 786, 791, см также: (1999 г.) 11 I.J.R.L. 375.

¹⁰³ См. *Руководство* УВКБ, пункт 154. Из судебной практики см., например, решение Государственного совета Франции (Conseil d'Etat) по делу *Rajkumar* от 25 сентября 1998 года, 165.525; по делу *Pham*, от 21 мая 1997 года, 148.997; решение Федерального Суда Австралии по делу *Ovcharuk v. Minister for Immigration and Multicultural Affairs* от 16 октября 1998 года; по делу *Dhayakra v. Minister for Immigration and Ethnic Affairs*, [1995 г.] 62 F.C.R. 556; решение Федерального суда Канады по делу *Malouf v. Canada (MCI)* от 31 октября 1994 года, [1995 г.] 1 F.C. 537.

¹⁰⁴ См. Руководствующие принципы исключения (*The Exclusion Guidelines*) (пункт 91) и *Руководство* УВКБ, пункты 162 и 163; см. также решение Верховного суда Канады по делу *Pushpanathan v. Canada (MCI)* от 4 июня 1998 года, [1998 г.] 1 S.C.R. 982; решение Государственного совета Франции (Conseil d'Etat) по делу *Mahboub* от 25 марта 1998 года, 170.172; решение С.Р.Р. (Франция) по делу *Duvalier*, от 18 июля 1986 года, 50.265, подтвержденное решение Государственного совета от 31 июля 1992 года; решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища (ACC), EMARK 1999 года, № 11; ср. также G. Goodwin-Gill, стр. 114 и *Edward Kwakwa, Article 1 F (c): Acts contrary to the purposes and principles of the United Nations*, (2000 г.) 12 I.J.R.L. 79 – специальный дополнительный выпуск по вопросам исключения.

¹⁰⁵ См., тем не менее, следующие примеры из национальной судебной практики: решение Федерального апелляционного суда *Ramirez v. Canada (MEI)* от 7 февраля 1992 года, [1992] 2 F.C. 306; по делу *Sivakumar v. Canada (MEI)* от 4 ноября 1993 г., [1994 г.] F.C. 433; R.S.A.A. (Новая Зеландия), по делу *Re TP* от 31 июля 1995, апелляционная жалоба в связи с предоставлением статуса беженца № 1248/93.

¹⁰⁶ См. сноску 91 выше относительно полной ссылки на Руководящие принципы исключения (*Exclusion Guidelines*). По вопросам, отмеченным в данном пункте, см. в частности пункты с 36 по 48 указанных руководящих принципов. См. также документации по исключению, подготовленную для Исполнительного комитета, в частности: *Note on the Exclusion Clauses (EC/47/C/CRP.29)*, май 1997 года и *Background Paper on the Article 1F Exclusion Clauses*, июнь 1998 года.

¹⁰⁷ См. *Руководство*, пункты с 118 по 133.

¹⁰⁸ См. *Руководство*, пункт 116.

¹⁰⁹ Эти основания описываются в подпунктах 1, 2, 3 и 5 пункта «С» Статьи

1 и подробно объясняются в пунктах *Руководства*, процитированных в ссылке 107, из национальной судебной практики см., например, решение С.Р.Р. (Франция) по делу *Ciffci* от 16 января 1998 года, 290.107; по делу *Cagalj* от 21 мая 1997 года, 301.944; решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища, ЕМАРК, 1998 года, № 29.

¹¹⁰ Эти основания описываются в подпунктах 5 и 6 пункта «С» Статьи 1; см. пункты с 134 по 139 *Руководства*, а из национальной судебной практики см., например, Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища, ЕМАРК, 1998 года, №19.

¹¹¹ Заключение исполнительного комитета № 69 (XLIII) пункты а) и с).

¹¹² См. доклад постоянного комитета: Примечание по положениям о прекращении (Note on the Cessation Clauses), EC/47/SC/CPR. 30 от 30 мая 1997 года, а также Руководящие принципы УВКБ по применению положений о прекращении (*UNHCR's Guidelines on the Application of the Cessation Clauses*), выпущенные в апреле 1999 года.

¹¹³ Второй параграф подпунктов 5 и 6 пункта «С» Статьи 1.

¹¹⁴ См. *Руководство* УВКБ, пункт 136; из национальной судебной практики см., например, решение С.Р.Р. (Франция) по делу *Bizimungu* от 4 июня 1997 года, 300.063; по делу *Sokolova* от 10 марта 1997 года, 200.999; решение V.V.C. (2 ch.) (Бельгия) от 3 октября 1994 года, E84; решение Швейцарской комиссии по апелляциям по вопросам предоставления убежища, ЕМАРК, 1997 года, № 14, пункты 6 с) dd) и ff); ЕМАРК 1998 года, пункт 16, пункты 4 b) и с).

¹¹⁵ Это очевидно в отношении подпункта 3 пункта «С» Статьи 1.